

УДК 330.3

ТРЕУГОЛЬНИК СССР – США – ЯПОНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2016 г. **М.Г. Носов***

Статья поступила в редакцию 30.10.2015.

Почти всё время из трёх лет, восьми месяцев, трёх недель и пяти дней Тихоокеанской войны в треугольнике СССР – США – Япония отношения между ними характеризовались неопределённостью. США и Япония воевали друг с другом, СССР был союзником США, сохраняя дипломатические отношения с Токио. С разной интенсивностью и периодичностью шли секретные переговоры между Москвой, Вашингтоном и Токио. Советский Союз в силу исторических обстоятельств оказался наиболее активным их участником. В начале войны они велись вокруг гипотетической возможности участия СССР и США на одной стороне, затем вокруг конкретных аспектов участия СССР в войне с Японией, что уже осложнялось первыми признаками «холодной войны». За шесть дней до капитуляции Японии СССР вступил в войну, и отношения в треугольнике окончательно, хотя и не на очень долго, определились. СССР и США в этой войне были союзниками, но с каждым днём отношения между ними становились всё прохладней, пока не спустились до уровня «холодной войны».

Ключевые слова: СССР, США, Япония, Китай, Тихоокеанская война.

Нападение японской авиации на Пёрл-Харбор поставило предпоследнюю точку в отношениях между США, Японией, Германией и СССР – четырёх главных участников Второй мировой войны. США, помогавшие Великобритании и СССР в борьбе с гитлеровской Германией, теперь вступили в войну с Японией и Германией, которая объявила США войну спустя неделю после Пёрл-Харбора. Не были определены только отношения между СССР и Японией. Несмотря на то что Квантунская армия продолжала оставаться реальной угрозой для СССР, а советские корабли, везущие американское оружие, получаемое СССР по ленд-лизу, проходили вблизи берегов Японии**, стороны всё ещё сохраняли приверженность Пакту о нейтралитете, подписанному 13 апреля 1941 г. в Москве.

*НОСОВ Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Европы РАН, Российская Федерация, 125009 Москва, Моховая ул., 11-3 (mikhailnosov@mail.ru).

Продолжение авторского цикла статей об истории развития отношений США и Японии. См.: «США ♦ Канада». 2011: № 1, 2, 7, 11; 2012: № 4 и 11; 2013: № 7, 12; 2014: № 8.; 2015: № 2. – *Ред.*

** Когда в ноябре 1941 г. японские корабли в обстановке высочайшей секретности готовились отправиться в сторону Гавайев, на последнем совещании командиров на флагмане «Акаги» один из командиров кораблей задал вопрос о том, что делать, если по пути эскадра встретит торговый корабль под флагом СССР. Ответ был – «топить» [28, р. 171].

Вопрос участия СССР в войне против Японии был поставлен американцами практически сразу же после Пёрл-Харбора и, прежде всего, он был связан с проблемой открытия второго фронта. При этом в то время обсуждались не столько проблемы европейского театра, сколько возможности СССР вступить в войну с Японией.

Начало Тихоокеанской войны совпало с тяжелейшей ситуацией на советско-германском фронте. Немецкие войска находились в 20 км от Кремля, а советское правительство было эвакуировано в Куйбышев (Самара). 9 декабря 1941 г. посланник США в СССР Уолтер Торстон доложил в Вашингтон из Куйбышева об отсутствии официальной советской реакции на японское нападение на Пёрл-Харбор. Что касается неофициальной реакции, то на основе немногочисленных контактов американских журналистов с советскими гражданами, Торстон сообщал: «Складывается впечатление, что их чувства, как это и следовало ожидать, враждебны по отношению к Японии, а наше участие в войне с Японией приведёт к сокращению военной помощи Советскому Союзу... Есть ощущение, что советское правительство в своей политике будет придерживаться условий советско-японского пакта о нейтралитете». Торстон встретился с заместителем наркома иностранных дел Андреем Вышинским, который, по словам дипломата, «не комментировал ситуацию, хотя выразил искреннее сочувствие». На вопрос о контактах с послом Японии, Вышинский сообщил, что «посол Татекава Ёсигугу попросил о встрече, для того чтобы устно сообщить, что Япония находится в состоянии войны с США, Великобританией и рядом членов Британского Содружества» [10, р. 1026-1027].

В Вашингтоне только что прибывший в Америку новый посол СССР Максим Литвинов 7 декабря завтракал с Джозефом Дэвисом, бывшим послом США в Москве, когда поступило сообщение о нападении японцев на Пёрл-Харбор. На прямой вопрос о возможной реакции правительства СССР Литвинов дать определённого ответа, естественно, не мог, поскольку, по его словам, был в пути и «уже три-четыре недели не имел связи со своим правительством». Единственное, что он мог позволить себе сказать, это то, что «СССР будет стремиться избежать войны на два фронта» [11, р. 730-731].

Позиция СССР в вопросе о войне на Тихом океане официально определилась 12 декабря 1941 г., когда газета «Правда» опубликовала передовую статью «На Тихом океане», в которой говорилось, что «Япония действовала по методу, хорошо известному советскому народу из опыта войны с кровавым Гитлером, который также вероломно, по-разбойничьи напал на Советский Союз», а итогом этой войны будет «неизбежное поражение Японии» [4]. Руководители СССР никак не комментировали начало войны между США и Японией.

11 декабря 1941 г. М. Литвинов встретился с госсекретарём США Корделлом Хэллом по его просьбе. В беседе, касавшейся доклада госсекретаря президенту, наряду с обсуждением вопросов ленд-лиза, были затронуты вопросы позиции СССР в начавшейся войне между США и Японией. Литвинов сказал, что его правительство приняло решение в настоящее время не сотрудничать с США в районе японского Дальнего Востока. «Советский Союз в широком масштабе ведёт боевые действия против Германии, и участие в совместных действиях на Дальнем Востоке означало бы немедленное нападение Японии, что

привело бы к войне на два фронта». На затронутый Хэллом вопрос о создании авиабаз на Камчатке и в районе Владивостока, что позволило бы американским тяжёлым бомбардировщикам бомбить японские военно-морские базы и флот, а также города, Литвинов уклончиво заметил – «бомбардировка не решает проблем войны» [11, р. 742].

Хэлл в разговоре постоянно возвращался к теме сотрудничества СССР и США. «Если Россия откажется от сотрудничества с нами на Востоке, а мы будем продолжать помогать ей, усилится критика относительного того, почему мы помогаем России в деле, в котором участвуют все кто с нами, а Россия, в свою очередь, отказывается сотрудничать с нами на Дальнем Востоке» [11, р. 42].

Возможность и целесообразность вступления СССР в войну против Японии после Пёрл-Харбора сегодня представляет лишь абстрактный интерес, поскольку, как хорошо известно, история не имеет сослагательного наклонения. Находившийся на Филиппинах командующий войсками США в юго-западной части Тихоокеанского театра военных действий генерал Дуглас МакАртур, был твёрдо уверен, что с военной точки зрения совместные действия СССР и США против Японии могут обеспечить быструю победу над агрессором. Уже 10 декабря генерал направил в Вашингтон радиogramму начальнику штаба армии США Джорджу Маршаллу, где говорилось о необходимости немедленного вовлечения СССР в войну с Японией. Это было сделано через день после того, как японская авиация уничтожила большую часть американской авиации на Филиппинах.

МакАртур считал, что советский удар по Японии с севера при усиленной поддержке американской авиации в Сибири ослабит военные усилия Токио. «Сегодня существует блестящая возможность для немедленного нападения на Японию с севера, что не только нанесёт ей тяжёлый ущерб, но и, наконец, ослабит её стремление двигаться на юг. Мощный удар приведёт к ещё большему распылению сил авиации Японии, но и уничтожит её нефтяные запасы. Сейчас это золотая возможность для нанесения блестящего удара по врагу, силы которого распылены растянутыми действиями авиации» * [20, р.].

Сразу же после нападения на Пёрл-Харбор руководитель Китая Чан Кай-ши выступил с призывом к союзникам одновременно объявить войну странам оси [11, р. 737]. 12 декабря ему ответил И. Сталин, окончательно внеся ясность в вопрос о вступлении СССР в войну против Японии. «Сегодня советская Россия несёт на себе главную тяжесть войны против Германии. Победа советской России над Германией является великой надеждой всех участников фронта борьбы со странами оси – Великобританией, Соединённых Штатов и Китая. По моему мнению, в сложившихся сегодня обстоятельствах Советскому Союзу, который начал атаковать германские армии не стоит распылять свои силы... поэтому я прошу вас не настаивать на том, чтобы Советская Россия немедленно объявила войну Японии» [11, р. 747].

* Позже в своих мемуарах МакАртур вспоминал: «В то время я был настолько уверен в необходимости русского вступления в Тихоокеанскую войну, насколько был против этого тогда, когда наша победа была близка» [20, р. 132].

Американские предложения провести ряд конференций по вопросам координации усилий в борьбе со странами оси поддержки в Москве не нашли. Тем более СССР отказался от предложения Рузвельта создать единый Военный Совет, в задачу которого входила бы координация усилий антигитлеровской коалиции. По мнению наркоминдела В. Молотова, это привело бы к втягиванию СССР в войну с Японией и «к подчинению советского военного планирования американским прихотям» [17, р. 241].

К весне 1942 г. в Вашингтоне к идее организовать бомбёжки Японии с аэродромов в СССР начали относиться с определённым скептицизмом. Это было связано, прежде всего, с пониманием, что шансов на то, что Москва согласится нарушить нейтралитет в отношениях с Токио в той ситуации, которая складывалась на советско-германском фронте, практически нет. К тому же, было ясно, что усиление американских ударов по японской армии предотвратит нападение Японии на СССР и не ослабит его возможности успешно сражаться с гитлеровской Германией. В марте 1942 г. Комитет начальников штабов США приостановил работу над планированием совместных с СССР операций в северной части Тихого океана «до момента, когда Россия будет готова к более полному военному сотрудничеству» [29, р. 419].

К вопросу о вовлечении СССР в войну с Японией американцы вновь вернулись летом 1942 г. В начале июня японцы захватили два острова Алеутского архипелага Атту и Кыска и начали переброску войск на Парамушир на Курилах. Для Вашингтона это был удар по их престижу, поскольку впервые за историю США была оккупирована часть американской территории. Для военных захват островов создавал угрозу Аляске, а возможно и свидетельствовал о японских планах нападения на СССР. Белый дом принял решение поставить перед Сталиным вопрос о необходимости координации военного планирования на случай вовлечения СССР в войну с Японией. 17 июня Рузвельт направил Сталину письмо, в котором говорилось: «Положение, которое складывается в северной части Тихого океана и в районе Аляски, ясно показывает, что японское правительство, возможно, готовится к операциям против Сибири. Если подобное нападение осуществится, то Соединённые Штаты готовы оказать Советскому Союзу помощь американскими военно-воздушными силами при условии, что Советский Союз предоставит этим силам подходящие посадочные площадки на территории Сибири» [28, р. 419].

Сталин согласился на переговоры, и в июле в Москву была направлена миссия во главе с генерал-майором Фоллеттом Брэдли. Однако, по оценке американских военных, «русские не спешили делиться информацией о базах в Сибири и не проявляли готовности обсуждать планы совместных действий против Японии. Их больше интересовали вопросы поставки самолётов по ленд-лизу» [30, р. 343–346]. Было очевидно, что в сложившихся условиях Советский Союз не рискнёт открыть второй фронт на Дальнем Востоке, тем более что Великобритания не собиралась начинать военные действия в Европе*.

* Впервые вопрос о Втором фронте Сталин поставил перед союзниками в письме Черчиллю от 18 июля 1941 г., в котором говорилось, что «военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на западе (Северная Франция) и на севере (Арктика)» [3, т. 2. Док. № 3].

К вопросу об участии СССР в войне с Японией союзники вернулись в ходе конференции в Тегеране в ноябре 1943 г. На первой же встрече, после того как Рузвельт описал ход войны на Тихом океане и сообщил о решении открыть в Европе второй фронт в мае 1944 г., Сталин, говоря о вступлении СССР в войну с Японией, заявил: «К сожалению, мы не были в состоянии помогать, поскольку нам требовалось слишком много войск на Восточном фронте, поэтому у нас не было возможности начать какие-либо действия против Японии. После поражения Германии войска смогут быть переброшены в Восточную Сибирь и тогда, создав общий фронт, мы победим Японию» [15, р. 489]. В Тегеране Черчилль заявил, «что Япония может быть гораздо быстрее выведена из войны, если против неё выступит Россия». Позже он писал, что, «обещание Сталина вступить в войну против Японии тотчас после свержения Гитлера и разгрома его армий имело величайшее значение» [8, р. 233, 251].

Окончательно сроки и условия вступления СССР в войну с японцами были согласованы с американцами и англичанами в феврале 1944 г. в Ялте, когда было подписано секретное Соглашение о вступлении СССР в войну с Японией. Его секретность определялась действующим Пактом о нейтралитете между Японией и СССР и отсутствием в Крыму представителей Китая, чьи интересы непосредственно затрагивались в договорённостях, достигнутых Большой тройкой. Согласовать с Чан Кайши условия вступления СССР в войну с Японией, затрагивавшие интересы Китая, не представлялось возможным, поскольку, по словам Рузвельта, «сложность разговора с китайцами состояла в том, что всё сказанное в течении 24 часов становилось известно миру из радиопередач» [28, р. 635].

По условиям соглашения СССР брал на себя обязательство «спустя два-три месяца после поражения Германии начать военные действия против Японии», а это гарантировало сохранение статуса независимости для МНР и получение русскими территорий, утраченных в результате «предательского нападения Японии на Россию в 1904 г., включая Южный Сахалин и прилегающие острова, Дайрен и Порт-Артур, аренду КВЖД и ЮМЖД и Курильские острова» [13, р. 984]. Сталин дал согласие на просьбу американцев предоставить США военные аэродромы в Приморье и на Камчатке для использования их при бомбардировках Японии, однако, это согласие так и не было реализовано.

СССР начал демонстративно менять акценты своей внешней политики. Выступая на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 г. Сталин, спустя почти три года после нападения Японии на США, лично осудил политику Токио, что было очевидной демонстрацией меняющегося отношения Кремля к Японии. «Нельзя считать случайностью такие неприятные факты, как “инцидент” в Пёрл-Харборе, потеря Филиппин и других островов на Великом океане, потеря Гонконга и Сингапура, когда Япония как агрессивная нация оказалась более подготовленной к войне, чем Великобритания и Соединённые Штаты Америки, придерживавшиеся миролюбивой политики. Следовательно, нельзя отрицать того, что в будущем миролюбивые нации могут вновь оказаться застигнутыми врасплох агрессией, если, конечно, они не вы-

работают уже теперь специальных мер, способных предотвратить агрессию» [6, т. 15, с. 202–203].

В апреле 1945 г. СССР заявил о денонсации Пакта о нейтралитете между СССР и Японией. Нарком иностранных дел В. Молотов заявил, что со времени подписания договора в апреле 1941 г. «Германия напала на Советский Союз и Япония, союзник Германии, помогала ей в войне против СССР. Кроме того, Япония воюет против США и Великобритании, которые являются союзниками Светского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление его стало невозможным» [2, апр.1945]. Юридически, поскольку речь шла не об аннулировании пакта, а о денонсации, его действие сохранялось до апреля 1946 г., о чём заявил посол Японии Сато Наотакэ, который выразил надежду, что мир между СССР и Японией будет сохранён [27, 16.04. 1945].

Параллельно с событиями в Москве и Вашингтоне в Токио лихорадочно пытались найти приемлемый выход из войны, исход которой был достаточно очевиден. 12 мая 1945 г. на заседании Верховного совета по ведению войны, куда входили премьер-министр, министр иностранных дел и четыре высших представителя генералитета, адмирал Ёнаи Мицумаса предложил попросить СССР выступить посредником при заключении мира. Несмотря на то что министр иностранных дел Того Сигэнори считал эту инициативу абсолютно нереалистичной, ему было поручено написать обоснование позиции Японии. Через два дня Того подготовил меморандум, где говорилось: «Очевидно, что своей победе над Германией Россия обязана Японии, которая оставалась нейтральной, и СССР будет выгодно помочь Японии сохранить её международные позиции, особенно учитывая, что в будущем ему придётся столкнуться с Соединёнными Штатами в качестве врага» [28, р. 747]. Переговоры с послом СССР в Токио Яковом Маликом были поручены бывшему премьеру и министру иностранных дел Хирота Коки.

Встреча состоялась только 3 июня, когда Хирота «случайно» встретил советского посла в холле гостиницы в местечке Гора недалеко от курорта Хакоме, где обычно отдыхали дипломаты и японские чиновники высокого ранга. Суть японских предложений сводилась к отказу от денонсации Пакта о нейтралитете и советского посредничества в заключении мира с союзниками и главное, Хирота подчёркивал, его точка зрения «отражает мнение императорского правительства и всего народа». Посол дипломатично ответил, что ему необходимо обдумать данное предложение, прежде чем дать на него ответ.

24 июня Хирота вновь встретился с Маликом, но переговоры вновь оказались безрезультатными для Японии, хотя советский посол обещал сообщить об окончательном ответе Москвы на предложения Хирота предоставить независимость Маньчжурии и отказаться от рыбных концессий*. Не дождавшись от-

* Параллельно японцы зондировали возможность заключения мира через своего военного атташе в Берне генерал-лейтенанта Окамото Сейго, который действовал через японских банкиров в Швейцарии. Контакты с ближайшим сотрудником руководителя Управления стратегических служб США Алена Даллеса с немцем Геро фон Гаверницем тоже не дали результатов, поскольку ни его шеф, а тем более ни он сам, не были готовы взять на себя ответственность за обещание сохранить императорскую систему в Японии, что было условием капитуляции. Во время Потсдам-

вета, японцы приняли решение направить в Москву бывшего премьер-министра Коноэ Фумимаро. Об этом было сообщено послу Японии в СССР Сато Наотокэ, который, понимая бесполезность этой инициативы, без особого энтузиазма* и абсолютно безрезультатно пытался согласовать будущий визит с руководством советского внешнеполитического ведомства.

До кончины президента Рузвельта (12 апреля 1945 г.) участие СССР в войне с Японией рассматривалось как не обсуждаемый и необходимый вклад союзника США, который позволил бы ускорить окончание войны и значительно сократить масштабы американских потерь. Отношение администрации Трумэна к вступлению СССР в войну с Японией можно охарактеризовать как постепенный отход от тех договорённостей, которые были достигнуты Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным в Тегеране и Ялте. Очевидно, что доверие и определённая взаимная симпатия, существовавшие между Рузвельтом и Сталиным, в отношениях нового президента с советским лидером отсутствовали, они сменились прежде всего, настороженностью. Сталин был хорошо осведомлён о том, что Трумэн, вступивший в должность вице-президента всего за три месяца до смерти Рузвельта, не только не имел политического опыта своего предшественника, его образования и широты взглядов, но и не был горячим сторонником военного партнёрства с СССР**. Новый президент, который, по словам Генри Киссинджера, «поначалу стремился следовать заветам Рузвельта и крепить союз» [18, р. 380], очень скоро стал свидетелем и одним из авторов начала «холодной войны». Первым серьёзным столкновением между СССР и союзниками стал вопрос о послевоенном устройстве Польши, где послевоенные политические процессы всё дальше отходили от решений, принятых в Ялте. Двойственность отношения Трумэна к вступлению СССР в войну определялась как растущим недоверием к политике СССР, так и стремлением избежать потерь, масштабы которых росли в ходе боёв за Окинаву, где с 1 апреля по 21 июня американцы потеряли 49 тыс. человек, в том числе 12 281 убитыми, что стало самыми тяжёлыми потерями США за всё время войны [9, р. 397].

После Ялты в США превалировала точка зрения, что опыт боёв на Тихоокеанском театре свидетельствует: высадка на Японских островах может начаться не ранее 1 ноября 1945 г., будет продолжаться, по крайней мере, до марта 1946 г. и стоить американцам более одного миллиона жизней. 18 июня 1945 г. в Белом доме состоялось совещание с участием президента, военного министра, военно-морского министра и высших военных руководителей армии, флота и авиации, посвящённое заключительной фазе войны с Японией. Начальник штаба армии США генерал Маршалл зачитал мнение находившегося

ской конференции Даллес приехал в Берлин, где проинформировал госсекретаря Стимсона о переговорах в Берне. Однако новость об успешном испытании атомной бомбы фактически сняла вопрос об этих переговорах с повестки дня.

* В своей телеграмме в Токио посол сообщал, что «подписание мирного договора через переговоры не может быть поддержано Советским Союзом. Если наша страна действительно хочет завершить войну, у нас нет альтернативы принятию безоговорочной капитуляции или чего-нибудь очень близкого к этому» [12].

** 22 июня 1941 г. Трумэн заявил, что «если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии» [23, 24.06.1941].

на театре военных действий МакАртура относительно планов высадки в Японии. Он считал, что потери в живой силе, а это было наиболее важной проблемой военного планирования в войне, конечный итог которой был очевиден, «можно будет значительно снизить, в случае если будет осуществлено наступление из Сибири задолго до назначенной даты высадки, что вовлечёт противника в крупное сражение» [14, р. 906]. В ходе совещания президент Трумэн, одобрил план высадки, представленный Комитетом начальников штабов, «отметив, что это является наилучшей возможностью в сложившихся обстоятельствах, и выразил надежду, что его реализация не превратит всю Японию в одну большую Окинаву» [14, р. 908].

Противники сохранения союзнических отношений с СССР исходили из того, что советское вступление в войну с Японией укрепит позиции Москвы в Азии и в мире, а это не укладывалось в американскую концепцию послевоенного устройства мира. Против участия СССР в войне с Японией выступил бывший президент США Герберт Гувер, ставший неформальным внешнеполитическим советником Трумэна. Он считал, что вступление советских войск в Китай приведёт к распространению коммунизма в регионе.

Предотвратить такую возможность, по его мнению, могло бы скорейшее заключение мира с Японией. Гувер предложил использовать посредничество Чан Кайши для секретных переговоров с Токио. В качестве компенсации за вывод Квантунской армии из Китая, что ослабило бы силы коммунистов, Гувер предлагал оставить Японии Тайвань и Корею. Он исходил из того, что за счёт не слишком больших жертв Япония сможет «вернуться к сотрудничеству с западной цивилизацией» [24, р. 12]. Фактически Гувер предлагал отказ от договорённостей, достигнутых в Ялте, на что американская администрация пока не была готова пойти.

Позиции противников участия СССР в войне с Японией укреплялись по мере успехов США в работе над ядерным оружием. В день открытия Потсдамской конференции проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. Трумэн получил сообщение об успешном испытании ядерного устройства. Когда в Потсдам 21 июля поступил полный отчёт об испытаниях в Альмогордо, госсекретарь Джеймс Бирнс, по словам его помощника Уолтера Брауна, сказал, что «после атомной бомбы Япония сдастся и России вряд ли нужно будет воевать» [22, р. 105]. Теперь, когда возможность завершить войну без участия советской армии стала реальностью, Трумэн очень не хотел делить победу над Японией со Сталиным, тем более, что в этом его поддерживал Черчилль. Ознакомившись с отчётом об испытаниях, английский премьер отметил, что использование бомбы может ускорить окончание войны и исключит участие СССР в войне с Японией [8, с. 699].

На обратном пути из Потсдама на борту крейсера «Аугуста» Трумэн принял окончательное решение об использовании ядерного оружия против Японии и во время приёма для узкого круга заявил: «Мы создали абсолютно новое оружие такой силы и характера, что теперь не нуждаемся в русских или в ком-либо другом» [24, р. 16].

Однако и Черчилль, и Трумэн хорошо понимали трудности на пути реализации этой задачи. Советская военная машина в строгом соответствии с реше-

ниями Ялтинской конференции приступила к развёртыванию своих сил на Дальнем Востоке и никаких формальных поводов попытаться её остановить ни у американцев, ни у англичан не было. Даже выступая противником участия СССР в войне, Черчилль хорошо помнил о тех отношениях, которые сложились между участниками Большой тройки, отметив в своих мемуарах, что Сталин «был замечательным союзником в войне против Гитлера» [8, с. 700].

После того как США три года убеждали СССР вступить в войну с Японией, предложить Москве нейтралитет едва ли было возможно. Более того, не было возможности предотвратить это и в том случае, если такая просьба была бы высказана. Даже такой сторонник жёсткой линии по отношению к СССР, как посол США в Москве Аверелл Гарриман, считал что «Россия вступит в войну независимо от желания американцев» [19, р. 369].

Аргументом в пользу советского участия в войне было и то, что несмотря на успешное испытание ядерного устройства те, кто принимал участие в решении его применить, не были уверены в успешности авиационного использования бомбы, не имели точной оценки её разрушительной силы и не представляли себе как это подействует на принятие решений в Токио. В Вашингтоне хорошо понимали, что, несмотря на огромные потери авиации и флота, Япония сохраняла огромную армию, а по опыту боёв на Иводзиме и Окинаве и готовность сражаться до последнего солдата*.

25 июля МакАртур, который должен был возглавить вторжение в Японию, получил распоряжение начальника штаба армии генерала Маршалла; речь шла о необходимости быть готовым к немедленному прекращению войны и к началу оккупации Японии и южной части Кореи. В этом случае могли потребоваться молниеносные действия, чтобы предотвратить советское вторжение [21, р. 149]. По-видимому, директива была скоординирована с уже намеченными датами атомных бомбардировок Японии.

В Москве понимали, что капитуляция Японии неминуемо приближается и может сложиться ситуация, когда участие СССР в войне не понадобится. Начать военные действия против Японии Советский Союз планировал на территориях Китая и Кореи, оккупированных японскими войсками, что требовало координации действий с руководством Китая. Ещё 28 мая 1945 г. Сталин сказал посланцу президента США Гарри Гопкинсу, что СССР будет готов начать войну 8 августа, но вступление в войну будет зависеть от присоединения Китая к Ялтинскому соглашению [17, р. 471]. Пункты соглашения, относящиеся к Китаю, требовали согласования с Чан Кайши, который был руководителем Китая и союзником Вашингтона и Лондона. На отношение Вашингтона к заключению договора между СССР и Китаем, о чём велись переговоры в Москве с 30 июня 1945 г., проецировалось состояние отношений между Вашингтоном и Москвой. Если до испытания атомного оружия США настаивали на том, что Чан Кайши должен принять условия, согласованные в Ялте относительно

* В середине июля 1945 г., по оценке американской разведки, японская армия располагала 2 млн. солдат на территории самой Японии, 2 млн. – в Корее, Маньчжурии, Китае и на Формозе (Тайване); свыше 200 тыс. солдат во Французском Индокитае, Таиланде и Бирме, в Ист-Индии, включая Филиппины; свыше 500 тыс.; 100 тыс. на Тихоокеанских островах. Численность японской армии оценивалась в 5 млн. человек [25, р. 618].

Внешней Монголии, Дайрена, КВЖД и ЮМЖД, то теперь госсекретарь Бирнс и посол Гарриман уговаривали министра иностранных дел Китая Сун Цзывэня не соглашаться на предложенные условия*.

Ситуация на Дальнем Востоке складывалась таким образом, что, даже несмотря на то что договор с Китаем всё ещё находился в стадии переговоров, Сталин был готов начать войну в любой день, и Хиросима стала спусковым крючком.

Атомная бомбардировка Хиросимы 6 августа привела к гибели более 200 тыс. японцев, но, к сожалению, не стала для японского правительства аргументом в пользу принятия условий капитуляции. В Кремле были серьёзно обеспокоены тем, что Япония может капитулировать до вступления СССР в войну. По воспоминаниям Н. Хрущёва, «у Сталина были тогда сомнения, станут ли американцы держать данное ими ранее слово. Думал, что могут и не сдержать... Скажут: вы не участвовали, и мы вам ничем не обязаны» [7, с. 69]. На следующий день после Хиросимы был подписан приказ о начале наступления, назначенного на 9 августа [1, с. 188].

Утром 8 августа вернувшийся из Потсдама В. Молотов пригласил к себе японского посла Сато, который уже несколько недель добивался приёма у наркома в надежде, что Кремль согласится принять Коноэ и стать посредником в заключении мира. Послу было сообщено, что в восемь вечера Молотов примет его. Через несколько часов встреча была перенесена на пять часов вечера, поскольку, учитывая разницу времени между Москвой и Дальним Востоком, нарком не хотел повторить ошибку японских послов, которые вручили ноту об объявлении войны США уже после нападения на Пёрл-Харбор. Когда Сато вошёл в кабинет наркома, тот попросил его сесть и начал читать ноту об объявлении войны. Военные действия должны были начаться в ноль часов 9 августа, что совпадало по времени с визитом посла. Сато выразил сожаление о нарушении условий Пакта о нейтралитете за год до его истечения и спросил о возможности сохранения связи со своим правительством. Молотов заверил посла, что тот может отправлять всё что хочет и сколько хочет. Они обменялись рукопожатием, и Сато поехал в посольство. К его приезду все телефоны в посольстве были отключены, а радиоаппаратура была конфискована. Телеграмма о начале войны была отправлена открытым текстом с почты, но так и не дошла до Токио. Вечером 8 августа в Вашингтоне президент Трумэн провёл самую короткую пресс-конференцию за всё время существования президентской власти в США. Он появился перед журналистами и сказал «Россия объявила войну Японии! Это всё!». Краткость пресс-конференции объяснялась прежде всего тем, что, услышав новость, журналисты бросились к выходу из зала к своим микрофонам и телетайпам. Война началась в 0 часов 10 минут по Хабаровскому времени 9 августа, а в 11 часов 2 минуты того же дня над Нагасаки была взорвана вторая атомная бомба. 14 августа Япония капитулировала

* После вступления СССР в войну с Японией 8 августа, уже 14 августа в Москве был подписан Договор о дружбе и союзе между Советским Союзом и Китаем, куда вошли все относящиеся к Китаю ялтинские договорённости. Чан Кайши и его правительство хорошо понимали, что наступление советских войск в Маньчжурии изменит соотношение сил между китайскими коммунистами и силами националистов и стремились создать гарантии стабильных отношений с СССР.

и официально Вторая мировая закончилась. В тот же день в Москве был подписан Договор о дружбе и союзе между Советским Союзом и Китаем, куда вошли все относящиеся к Китаю ялтинские договорённости.

Боевые действия продолжались до 4 сентября, когда закончилась Курильская десантная операция и советские войска вошли в Порт-Артур. 3 сентября была подавлена японская группировка на самом северном Курильском острове Шумшу. За 26 дней войны СССР потерял убитыми 12 031 человек [5, табл. 134]. За 3 года, 8 месяцев, 3 недели и 5 дней войны безвозвратные потери США составили 111 606 человек.

Практически все договорённости Ялты были выполнены, и в Вашингтоне, учитывая вклад союзников в войну, были абсолютно уверены, что США будут играть главную роль как в оккупации, так и в послевоенном развитии Японии. Однако существовала и альтернативная точка зрения.

10 августа ночью посол США в Москве Гарриман посетил Молотова для того чтобы ознакомить его с позицией администрации по вопросу о будущем императорского правления в Японии. В телеграмме, которую посол получил из Вашингтона говорилось, что «с момента капитуляции власть императора и японского правительства окажется в компетенции Верховного главнокомандующего союзными войсками, который будет действовать в соответствии с необходимостью обеспечения надлежащих условий капитуляции» [12, р. 626]. Молотов сказал, что он не готов комментировать документ и попросил связаться с ним позже. Через некоторое время посол был приглашён к наркому, где ему был вручён подписанный Молотовым ответ – принципиальное согласие с американской позицией. Однако было сделано добавление, в котором говорилось, что «советское правительство считает, что в случае положительного ответа со стороны правительства Японии, союзные державы должны достичь соглашения относительно кандидатуры или кандидатур представителей союзного командования, которым будет подчиняться японский император и японское правительство».

Гарриман, по его словам, твёрдо возражал против подобного предложения, которое никогда не будет принято американской администрацией. В обоснование своей позиции посол отметил, что такое решение даст СССР право вето при назначении главнокомандующего, на что Молотов предложил с самого начала назначить двух Верховных главнокомандующих – американца и русского, например, маршала Александра Василевского. Гарриман настаивал на том, что этот пост может занимать только американец [12, р. 630]. Не достигнув договорённости, стороны расстались.

Как только Гарриман вернулся в Спасо-Хауз ему позвонил переводчик Сталина Владимир Павлов и фактически дезавуировал то, что предлагал Молотов. Он сообщил, что «после консультации со Сталиным, Молотов, назвал происходившее "недопониманием", поскольку это были просто консультации, а не попытки достичь договорённости». Гарриман просил Павлова передать Молотову, что слова «кандидаты» должны быть исключены из документа. Через несколько минут Павлов позвонил вновь и передал, что американские возражения приняты и в документ внесены необходимые поправки [12, р. 631]. Хотя Гарриман позже писал, что в эту ночь «была решена будущая роль СССР в

Японии», Сталин не оставил попыток закрепить там советские позиции [17, р. 501].

Получив для ознакомления проект Общего приказа № 1 о процедуре принятия капитуляции японских войск командующего союзными войсками МакАртура, который 15 августа была назначен на этот пост президентом Трумэном, Сталин на следующий день направил Трумэну послание, содержащее поправку к проекту. В ней предлагалось «включить в район сдачи японских сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафутто и Хоккайдо [3, док. 363]. Трумэн ответил через два дня. «Генералу МакАртуру сдаются японские вооружённые силы на всех островах собственно Японии: Хоккайдо, Хонсю, Сикоку и Кюсю». Признавая право СССР на Курильские острова, Трумэн заявил, что «правительство США желает располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолётов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе, для военных и коммерческих целей» [3, док. 364].

20 августа Василевский приказал 1-му и 2-му Дальневосточным фронтам быть готовыми к проведению операции по высадке войск в северной части Хоккайдо и южной части Курильских островов, однако 22 августа приказ по Хоккайдо был отменён Ставкой. В этот же день Сталин направил новое послание Трумэну, где говорилось, что он «не ожидал такого ответа» по поводу Хоккайдо и что его возмутило американское требование о создании авиабазы на Курилах [3, док. 365]. Конечная отмена приказа о высадке на Хоккайдо была в приказе от 27 августа, в котором говорилось, что «во избежание создания и конфликтов и недоразумений в отношении союзников категорически запретить посылать какие бы то ни было корабли и самолёты в сторону о. Хоккайдо» [1, док. 322].

В итоге, 30 августа Сталин написал Трумэну, что он готов предоставить США «право посадки на наших аэродромах на одном из Курильских островов в чрезвычайных случаях в период оккупации Японии». Однако попросил право посадки советских коммерческих самолётов на одном из Алеутских островов [3 док. 367]. Ни то, ни другое реализовано не было, а Хоккайдо не был разделён на зоны оккупации. Российский исследователь Вячеслав Зимонин, рассматривая вопрос о несостоявшейся высадке советских войск на Хоккайдо, замечает, что «если бы высадка состоялась, нетрудно было бы представить политические последствия оккупации Хоккайдо советскими войсками для его населения, послевоенного устройства Японии и военно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [1, с. 371]. Своими предположениями о последствиях раздела Японии автор не поделился, но, те кто знает опыт развития таких разделённых стран, как Корея или Германия, последствия раздела Японии могут легко представить.

История отношений в треугольнике СССР – США – Япония и в период Второй мировой войны показала как единство союзников в достижении задач уничтожения фашизма и милитаризма, так и рост противоречий между Москвой и Вашингтоном, которые вновь проявились после окончания войны и были усугублены фактором появления ядерного оружия. Япония как главный уча-

стник мировой политики на долгие годы превратилась в её объект, а СССР и США продолжили долгую конфронтацию на ядерном уровне, прерванную общей борьбой со странами «оси».

Список литературы

1. *Зимонин В.П.* Последний очаг второй мировой. Москва: Институт проблем безопасности и развития Евразии, 2002, 543 с. [*Zimonin V.P.* The Last Flame of War. Institute of security problems and Eurasian Development, 2002, 543 p.]
2. Известия [Izvestia], 6.04.1945.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг., Москва, 1958. [Correspondence of Chairman of the USSR Council of Ministers Stalin I. with Presidents of the USA and Prime-Ministers of Great Britain during Great Patriotic War 1941-1945. Moscow, 1958.]
4. Правда [Pravda], 12.12.1941.
5. Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооружённых Сил. Статистическое исследование. Под ред. Г. Кривошеева, Москва, Олма-Пресс, 2001 [Russia and USSR in XX century wars. War Casualties. Statistical Analysis. Krivosheev (Ed.). Moscow, 2001.]
6. *Сталин И.В.* Полное собрание сочинений. Москва, ОГИЗ, 1946. [Stalin I.V. Full Collection of Works. Moscow, 1946.]
7. *Хрущёв Н.С.* Воспоминания, М. Вагриус, 2007, часть II, 512 с. [*Khrushchev N.S.* Memoirs. Moscow, Vagrius, 2007, Ch. II, 512 p.]
8. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война, т. 5, Москва: АНФ, 749 с. [*Winston S. Churchill*, The Second World War. Moscow: ANF, 749 p.]
9. Cambridge History of Japan, vol. 6, 826 p.
10. FRUS. 1941, AXIS, 1044 p.
11. FRUS. 1941, 938 p.
12. FRUS. 1945, 1436 p.
13. FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945, 1032 p.
14. FRUS. The Conference at Berlin (the Potsdam Conference), 1945, 1088 p.
15. FRUS. The Conference at Cairo and Tehran, 1943: III. The Tehran Conference, 932 p.
16. Iriye Akira, Pearl Harbour and the Coming of the Pacific War”, Boston, N.Y.: Bedford/St.Martin’s, 1999.
17. Harriman Averell. Abel Ellie. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941-1946. New York: Random House, 1975, 595 p.
18. Kissinger Henry. Diplomacy, London, Simon & Schuster, 1994, 912 p.
19. Leahy William, I Was There, Gollancz, New York, 1950, 592 p.
20. MacArthur Douglas. Reminiscences, McGraw Hill, New York, 1964, 496 p.
21. Matray James. Captive of the Cold War: The Decision to Divide Korea at the 38th Parallel. Pacific Historical Review, vol.50, May 1981.
22. Messer Robert. The End of an Alliance: James F.Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War. Raleigh: University of North Caroline, 1982, 303 p.
23. The New York Times, 23.06.1941.
24. Schaller Michael. The American Occupation of Japan, Oxford New York, Oxford. University Press, 1985, 351 p.

25. Stimson Henry L. On Active Service. In Peace and War, Harper New York, Brothers, 1947, 698 p.
26. Time, 16.04.1945.
27. Toland John. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, New York: Random House, 1970, 955 p.
28. U.S. Army in World War II. The War in the Pacific. Strategy and Command, The First Two Years. Chapter XXI, The North Pacific and the Soviet Union
29. U.S. Army in World War II: Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941-1942 (Washington, 1953).

USSR – USA – Japan Triangle in the Context of World War II

(USA ❖ *Canada Journal* 2016, No 4, p.43-56)

Received: 30.10.2015.

NOSOV Mikhail Grigorievich, *Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 11-3, Mokhovaya street, 125009, Moscow, Russian Federation* (mikhailnosov@mail.ru).

During almost four years of Pacific War the relations in triangle USSR – USA– Japan preserved uncertainty. The U.S.A. and Japan where at war, the USSR and America were Allies, and Moscow maintained diplomatic relations with Japan. With varying degrees of intensity and frequency secret negotiations between Moscow, Washington and Tokyo took place. Due to historical circumstances Soviet Union was the most active participant of those talks. At the beginning of war negotiations were going around the hypothetical Soviet participation in the war on the American side, later the discussion was focused on the specific aspects of fighting against Japan which were entangled with the first signs of cold war. Six days before Japan's capitulation Soviet Union entered the war, and relations in the triangle finally, but not for very long, got defined. Moscow and Washington were Allies in that war, but their relations grew cooler every day, and at last went down to the level of cold war. **Keywords:** USSR, USA, Japan, China, Pacific War

About the author:

NOSOV Mikhail Grigorievich, *Doctor of Sciences (History), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences. Deputy Directory for Scientific Work.*